

## «СОРОКОВЫЕ» В ИСТОРИИ СССР

Г. И. Кольга

### СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА И ЕЁ МЕНТАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

*Главный вывод статьи состоит в том, что в ходе Сталинградской битвы солдаты и офицеры Красной Армии пережили своего рода катарсис, выразившийся в освобождении, самоочищении и облагораживании человека, сформировался «советский человек», пробудился его непобедимый дух – дух победителей. Одновременно поражение вермахта положило конец гитлеровской битве за нефть, а значит, и мегаломании, деморализовала немецких солдат и офицеров.*

**Ключевые слова:** Сталинградская битва, операция «Блау», демодернизация немецкой армии, формирование психологии победителей, катарсис.

Минуло более 65 лет с момента Великой победы советских вооружённых сил в Сталинградской битве, которая по праву считается крупнейшим военно-политическим событием Второй мировой войны. Но до сих пор не утихают споры о том, какое место занимал Сталинград в «конечных целях» германского фашизма и какое влияние оказала победа Красной Армии под Сталинградом на изменение планов нацистской агрессии, мировоззренческих установок солдат, офицеров, рядовых граждан противоборствующих сторон.

В советские времена внимание историков было преимущественно направлено на изучение военно-стратегических, политических, экономических аспектов Второй мировой и Великой Отечественной войн<sup>1</sup>. Впервые осмыслению морального фактора в войне посвятили свои работы М. Леонова, М. П. Скирдо, Л. К. Селезнёва, которые акцентировали внимание на политико-идеологической составляющей морального фактора, игнорируя социально-психологические аспекты<sup>2</sup>.

В современной российской исторической науке постепенно возрастает интерес к культурно-ментальным и социально-психологическим факторам войны. Одной из первых попыталась осмыслить психологические факторы войны Е. С. Сенявская, которой удалось создать социально-психологический облик советского фронтовика в военных конфликтах XX в.<sup>3</sup>

Проблемам взаимоотношений армии и немецкого общества в годы войны посвящены работы А. С. Якушевского и Е. Н. Кулькова, которые сделали вывод, что после Московской битвы немецкое общество всё больше убеждалось, что войну не выиграть<sup>4</sup>.

В 1999 г. была опубликована монография М. Ю. Мягкова<sup>5</sup>, в которой автор раскрывает изменения основных черт морально-психологического облика солдат вермахта на Восточном фронте. По мнению автора, поражение под Москвой привело к морально-психологическому надлому солдат и офицеров германских вооружённых сил, что сказалось на всём последующем ходе войны против СССР.

Данной проблематике также посвящены работы Санкт-Петербургского исследователя О. Ю. Пленкова<sup>6</sup>. Самое важное в его книгах – анализ настроений в немецком обществе и вермахте, царившие в годы войны, а также общественные реакции и реакции солдат и руководства вермахта на, казалось бы, ставшую бессмысленной войну. Автор считает, что вера в фюрера была следствием как тоталитарной идеологии, так и особенностей немецкого национального характера.

В начале XXI в. впервые в российской германистике стали появляться исследования, проявившие интерес к мироощущению и поведению немецкого фронтовика в ходе отдельных битв. Так, воспользовавшись богатым материалом в виде огромного количества писем немецких военнослужащих, доставшихся как трофеи, А. И. Борозняк, И. В. Василенко, С. В. Кожин, В. Г. Карнаевич на микроуровне исследовали социально-психологические аспекты битвы на Волге<sup>7</sup>.

В 2010 г. в журнале «Новая и новейшая история» вышла статья А. Г. Айрапетова и С. Н. Молоткова, в которой авторы на основе воспоминаний и писем военнослужащих вермахта изучили изменение морально-психологического состояния военнослужащих

щих вермахта на Восточном фронте в 1941–1945 гг. Главный вывод: поражения немцев в России «вызвали существенные сдвиги в морально-психологическом состоянии германских войск»<sup>8</sup>.

Автор данной статьи в своей работе о военной повседневности вермахта, опубликованной в журнале «Вестник развития науки и образования» за 2010 г., приходит к выводу, что «неудачи блицкрига в России, гибель многих немецких солдат вызывали страх и депрессию военнослужащих – с одной стороны, агрессивность и чувство мести – с другой. В сочетании с зазубренными постулатами о превосходстве арийской расы и извращённым понятием о долге и дисциплине данное противоречие затягивало войну, способствовало её ожесточению. Чем дальше шла война, тем сильнее развивалось это противоречие, ставшее одним из факторов коллапса вермахта в мае 1945 г.»<sup>9</sup>.

В зарубежной историографии данная тема стала предметом научного интереса гораздо раньше – в 80-е гг., когда в ФРГ, а затем и других странах отчётливо обозначился интерес к ментальным аспектам истории Второй мировой войны и Сталинградской битвы, в частности, как поворотному пункту всей драмы<sup>10</sup>. В сборнике статей «Сталинград. Мифы и реальность одного сражения» исследуются проблемы отношения немецких фронтовиков к смерти на разных этапах окружения, санитарного, продовольственного положения 6-й армии. Историк В. Р. Бейер рассматривает Сталинградское сражение с точки зрения рядового солдата вермахта, описывая военные будни «маленького человека» на большой войне<sup>11</sup>. В другой работе – «Сталинград. События. Воздействие. Символ»<sup>12</sup> продолжена линия на изучение «солдатской истории войны».

В последние годы проблема повседневности вермахта всё чаще становится предметом скрупулезного научного анализа. В монографии А. Кунца «Вермахт и поражение»<sup>13</sup> подчёркивается, что снижение боеспособности германской армии в 1944–1945 гг. было связано не только с недостаточностью техники, обмундирования, но с морально-психологическим надломом военнослужащих.

Эта же мысль прослеживается в фундаментальном исследовании представителя новой немецкой демократической волны учёных Х. Геера «Мёртвые зоны. Немецкий вермахт

на Восточном фронте»<sup>14</sup>, в которой автор на основе обширного документального и архивного материала воссоздает процесс моральной деградации солдат германской армии. Относительно численности преступлений военнослужащих вермахта в Советском Союзе Х. Геер исходит из того, что на Восточном фронте от 60 до 80 % солдат вермахта были причастны к злодеяниям<sup>15</sup>.

Из данного ряда выделяется работа американского военного историка О. Бартова, который делает вывод не о морально-психологическом надломе немецких военнослужащих после поражений в России, а о демодернизации вермахта вследствие разрушения его первичной организационной структуры<sup>16</sup>.

В данном контексте следует упомянуть оригинальные работы американских учёных С. Харта, М. Хьюза, М. Селигмана, Д. Дэвисона, Д. Макдональда, немецких исследователей – Р.-Д. Мюллера, К. Расса, К. Латцеля, А. Лемана и др.<sup>17</sup> Эти зарубежные авторы исследуют вопросы повседневности вермахта на источниках, относящихся к его социальной истории. В работах отражены поведение и взгляды солдат как на передовых позициях, так и в оккупационном тылу: отношение к населению, к военнопленным, холокосту.

Предметом исследования данной статьи является политико-психологический анализ стержневого события Великой Отечественной войны – Сталинградской битвы, а также изучение её ментальных последствий для противоборствующих сторон.

К лету 1940 г. успешные блицкриги против Польши, Франции, Дании, Голландии, Бельгии, Норвегии укрепили у немецкого солдата веру в свою непобедимость. Но с отказом англичан подписать мирный договор после поражения Франции Гитлер совместно с Верховным командованием приступил к дальнейшему планированию войны. Опасаясь потерять инициативу в Европе, а также сближения Англии с СССР, 18 декабря 1940 г. Гитлер подписал директиву ОКВ № 21 («Барбаросса»), в которой сформулировал приказ о подготовке кампании против Советского Союза<sup>18</sup>.

Начиная 22 июня 1941 г. войну, гитлеровское военное командование намеревалось с помощью очередного блицкрига достигнуть намеченной цели, линии Архангельск –

Астрахань, в течение 8–16 недель и заставить Советский Союз капитулировать. Однако планы гитлеровцев были разрушены беспримерным героизмом и самоотверженностью советских воинов. Гитлеровцам удалось установить жестокий оккупационный режим в Советском Союзе<sup>19</sup>, жертвами которого стали 13684692 человека из числа гражданского населения<sup>20</sup>.

Апофеозом гитлеровской мегаломании стала летняя кампания вермахта 1942 г. на южном крыле Восточного фронта. 5 апреля за подписью Гитлера вышла директива № 41 «операция Блау» о целях германской армии в ходе второй кампании на Востоке. В директиве общий замысел кампании предписывал все силы сосредоточить для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет. Пехотным дивизиям 6-й армии предписывалось блокировать Сталинград, прикрывая левый фланг наступающей на Кавказ 1-й танковой армии<sup>21</sup>.

После взятия Ростова Гитлер посчитал, что победа почти достигнута и 23 июля издал директиву № 45 о продолжении операции «Брауншвейг»<sup>22</sup>. В соответствии с директивой группа армий «А» силами армейской группы Руоффа (17-я армия и 3-я румынская армия) имела задачу нанести удар через Западный Кавказ и далее вдоль побережья Чёрного моря до района Батуми, имеющего запасы нефти, с целью его захвата, а силами 1-й и 4-й танковых армий овладеть нефтяными районами Майкопа и Грозного, перевалами Центрального Кавказа и, наконец, продвинуться до Тбилиси и Баку. Для этих операций группы армий «А» вводилось кодовое название «Эдельвейс». Группа армий «Б» имела задачу силами 6-й армии нанести удар по Сталинграду и разгромить сосредоточившуюся там группировку противника, захватить город, перерезать перешеек между Доном и Волгой и, спустившись к Астрахани, нарушить советские перевозки по реке. Эти операции группы армий «Б» получили кодовое название «Фишрейер» («Цапля»).

В этот критический период по всей стране пронеслось требование «Возьмите себя в руки!», и это требование нашло громкий отклик в печати. В литературе и в пропаганде лета 1942 г. безраздельно властвовали только два чувства. Одним была любовь к Родине. Вторым чувством была ненависть, которая

росла и росла, пока не вылилась в самые чёрные дни августа в пароксизм самой настоящей ярости. Очень большую роль в великой битве за поднятие морального духа советских людей сыграл М. Шолохов, опубликовавший 23 июня 1942 г. рассказ «Наука ненависти» – историю русского военнопленного, которого немецкие солдаты подвергли жесточайшим пыткам. Очень большую роль в великой битве за поднятие морального духа сыграл И. Эренбург. Статьи Эренбурга помогали каждому человеку взять себя в руки. Важное моральное воздействие оказывали некоторые произведения К. Симонова (пьеса «Русские люди»), А. Суркова (стихотворение «Ненавижу») и многих других авторов.

Эренбург, в самый разгар отступления советских армий на Северном Кавказе и когда немцы рвались к Сталинграду, писал в «Красной Звезде»: «Можно всё стерпеть – чуму, голод, смерть. Нельзя стерпеть немцев. Нельзя стерпеть этих олухов с рыбьими глазами, которые презрительно фыркают на всё русское <...> Не жить нам, пока живы эти серо-зелёные гады. Нет сейчас ни книг, ни любви, ни звёзд, ничего, кроме одной мысли: убить немцев. Перебить их всех. Закопать. Тогда <...> вспомним про жизнь, про книги, про девушек, про счастье...»<sup>23</sup>.

28 июля 1942 г/ войскам был издан приказ Народного комиссара обороны № 227 Сталина с требованием «Ни шагу назад!»<sup>24</sup>. Началось серьёзное подтягивание дисциплины в армии – вплоть до расстрела на месте за отступление без приказа или проявление трусости. Солдатам и офицерам стали регулярно напоминать об их личной чести и об их долге по отношению к своей Родине. С целью повышения авторитета офицерства были введены новые военные награды – ордена Суворова, Кутузова и Александра Невского<sup>25</sup>.

Тем не менее, осенью 1942 г. германская 6-я армия под командованием генерал-полковника Паулюса захватила почти весь Сталинград. Однако здесь вермахт встретил ожесточённое сопротивление советских войск. Под Сталинградом на карту была поставлена не только судьба Советского Союза, но и мировая оценка мощи Германии. Отступить с поля боя значило признать поражение. Оно не могло быть приемлемо для Гитлера. В заключительной стадии битвы на Волге взятие Сталинграда для Гитлера стало делом престижа. Так считает ветеран вермахта П. Карель:

«Чем дольше продолжались бои, тем больше захват последних метров земли в Сталинграде превращался для Гитлера в вопрос престижа <...> не соображения стратегии диктовали необходимость овладения развалинами города»<sup>26</sup>. Об этом недвусмысленно заявил на допросе 17 июня 1945 г. бывший начальник ОКВ В. Кейтель: «В то время Сталинград был настолько соблазнительной целью, что казалось невозможным отказаться от него. Думали, что если бросить ещё одну дивизию, ещё один полк РКК, ещё один сапёрный батальон <...>, то вот-вот город будет в наших руках»<sup>27</sup>.

На самом деле Сталинград имел не только оперативное, психологическое, но и огромное стратегическое значение для итогов всей войны, поскольку служил ключом к нефтяным запасам Закавказья и Центральной Азии. К 11 ноября, когда начался последний штурм, в руках героических защитников города осталась только узкая полоска вдоль Волги длиной в 2 км и шириной в 100 м. Однако последняя атака немцев захлебнулась. Они не смогли ничего поделаться с защитниками Сталинграда, не смогли сломить дух сопротивления советских воинов.

Американский историк Д. Робертс считает, что вопрос о том, как удалось Красной Армии выжить в Сталинграде, не поддаётся объяснению<sup>28</sup>. Некоторые учёные считают, что доминирующее влияние на ход Сталинградской битвы оказал приказ «Ни шагу назад»<sup>29</sup>. Английские историки Дж. Фуллер и Х. Болдуин считают, что «Гитлер был архитектором собственного поражения»<sup>30</sup>, ибо по его приказу войска его южного фланга были разведены по разным направлениям. Однако другие зарубежные авторы видят главную причину поражения вермахта в другом. Один из немецких военных корреспондентов на вопрос: «Почему битва в Сталинграде длится так долго?», ответил так: «Мы говорим о сильном сопротивлении русских, принимая во внимание только количество их танков, орудий и мощного оружия. И здесь мы совершаем ошибку, так как не учитываем характер самого русского человека – именно благодаря нему оказалось возможным такое активное и мощное сопротивление»<sup>31</sup>. Немецкий офицер В. Гофман в своём дневнике записал: «Русские – это не люди, а какие-то железные существа. Они никогда не устают и не боятся огня». Василий Гроссман в романе «Жизнь и судьба» отмечал, что душой обороны Сталинграда

была *свобода*, которая являлась источником самоотверженности советских солдат<sup>32</sup>.

В ходе Сталинградской битвы солдаты и офицеры Красной Армии пережили своего рода *катарсис*, выразившийся в освобождении, самоочищении и облагораживании человека, его чаяний и помыслов. Для участников этого Великого сражения Сталинград стал символом России, отождествлялся с Родиной, со всей русской землей, с грандиозной битвой правды против кривды.

В результате тщательно продуманных советской Ставкой (И. В. Сталин, Г. К. Жуков, А. М. Василевский) и блестяще осуществлённых войсками Юго-Западного (командующий – Н. Ф. Ватутин), Донского (К. К. Рокоссовский) и Сталинградского (А. И. Ерёменко) фронтов операций «Уран» и «Кольцо» под Сталинградом удалось окружить 22 вражеские дивизии и пленить более 90000 фашистов<sup>33</sup>.

Итоги Сталинградской битвы, продолжавшейся 200 дней и ночей, имели для всей Второй мировой войны фундаментальные последствия. Неудивительно, что Президент США Ф. Рузвельт прислал грамоту следующего содержания: «От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту городу Сталинграду, чтобы отметить наше восхищение его доблестными защитниками, храбрость, сила духа и самоотверженность которых будет вечно вдохновлять сердца всех свободных людей. Их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны союзных наций против сил агрессии». Король Великобритании прислал Сталинграду дарственный меч, на клинке которого на русском и английском языках выгравирована надпись: «Гражданам Сталинграда, крепким как Сталь, от короля Георга VI в знак глубокого восхищения британского народа»<sup>34</sup>.

Победа Красной Армии в Сталинградской битве воздействовала на все последующие события на Восточном фронте и, безусловно, повлияла на менталитет противников. Для немцев поражение в битве на Волге имело многочисленные отрицательные последствия.

*1. Прозрение.* С момента нападения Германии решающее влияние на характер военных действий оказывали образ России как расово-идеологического врага, установка на уничтожение противника. В сражении за Сталинград произошла переоценка многими немецкими

фронтовиками своего противника. В письме от 18 ноября 1942 г. ефрейтор О. Бауэр отмечал: «Оснащённые самым современным оружием, русские наносят нам жесточайшие удары. Это яснее всего проявляется в боях за Сталинград. Здесь мы должны в тяжёлых боях завоёвывать каждый метр русской земли и приносить большие жертвы, так как русские сражаются упорно и ожесточённо, до последнего вздоха»<sup>35</sup>. Полковник Адам вспоминал: «На переднем крае – сущий ад. Ничего подобного я ещё не видел в этой войне. “Иван” не отступает ни на шаг. Они дерутся за каждую развалину, за каждый камень»<sup>36</sup>.

После Сталинградской катастрофы офицер Гельмут Вельц в своём дневнике написал, что его товарищи в пылу дискуссии пришли к выводу, что военные цели Гитлера являются совершенно бредовыми: «Гигантские цели и жалкие кучки солдат, которых не хватает ни на фронте, ни в тылу. Гитлер просто зарвался. Что нам начальные успехи, если мы не можем удержать захваченное? И тут встает главный вопрос, а нужно ли было вообще начинать войну?»<sup>37</sup>.

Генерал Ф. фон Зенгер в своей книге пишет, что когда был ликвидирован деблокирующий прорыв 57-го танкового корпуса, многие немецкие офицеры поняли, что «это было действительно полное поражение». Однако «чего мы не могли в то время осознать в полной мере, того, что Сталинградская битва оказалась одной из <...> решающих битв Второй мировой войны <...> кульминационным моментом, после которого державам оси были навязаны оборонительные действия»<sup>38</sup>.

2. *Страх отмщения.* После Сталинграда ветераны Восточного фронта считали, что война может закончиться только смертью. Любой другой исход казался им просто немислимым. Они хорошо знали, что Красная Армия будет им мстить за всё произошедшее на оккупированных территориях. Сдача в плен означала неминуемую гибель в сибирских лагерях. «Мы больше не воевали ни за Гитлера, ни за национал-социализм, ни за третий рейх, – писал один из эльзасцев, ветеранов дивизии СС «Великая Германия». – Мы не воевали даже за наших невест, матерей, родных и близких <...> Мы воевали из-за одного только страха <...> Мы воевали за самих себя; воевали, чтобы не погибнуть в грязных щелях и траншеях, заполненных снегом; мы воевали подобно крысам»<sup>39</sup>.

После столь блестящей победы русского оружия не приходилось сомневаться, что «ярость благородная, вскипая, как волна», выплеснется на немцев. «Безусловным желанием советских солдат стало чувство отмщения за смерть товарищей, своих родных и близких, – считает английский историк Э. Бивор. – Некоторых убивали на месте, другие погибали по пути в лагерь»<sup>40</sup>. 1 февраля 1943 г. один советский полковник среди развалин Сталинграда остановил группу немецких военнопленных, шедших под конвоем. «Именно так будет выглядеть и Берлин, – произнёс он, указывая на разрушенные во круг здания»<sup>41</sup>.

3. *Дальнейшая варваризация войны.* «Война на Восточном фронте происходила в суровых климатических условиях, в районах, часто малонаселённых или вовсе пустынных, – пишет американский исследователь, бывший солдат вермахта О. Бартов, – и чем дальше развивалась война, тем более тяжёлыми и примитивными становились её условия, что оказывало воздействие на солдат, способствовало “варваризации” войны»<sup>42</sup>. В ходе Сталинградской битвы германский вермахт и войска фашистского блока потеряли убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести 1,5 млн человек; лишились до 3 тыс. танков, 12 тыс. орудий и миномётов, 4,4 тыс. самолётов. Большие потери понесли и советские войска: 1129619 человек, в том числе безвозвратные потери – 478741 человек, санитарные потери – 650878 человек; лишились 4341 танка, 15600 орудий, 2769 самолётов<sup>43</sup>.

Огромные потери с обеих противоборствующих сторон в Сталинградской битве, по мысли немецкого историка Герда Юбершера, дали «людям предвкушение жестокой бессмысленной борьбы, которая будет продолжаться до самого конца – до горького поражения, ставшего фактом в 1945 г.»<sup>44</sup>

4. *Деморализация и демодернизация немецких войск.* Поражение под Сталинградом привело немцев к пониманию другого образа России как сильного мощного противника, способного сокрушить на своём пути всё и отомстить за действия немецких войск на оккупированной территории СССР. Это начало раздуть железную дисциплину немецких войск. Она ещё не сломалась, но постепенно достигала точки критического напряжения.

Многое, о чём рассказывают немецкие солдаты на основании своего личного опыта,

типично для любой войны. Но из этих личных переживаний солдат становится всё очевиднее, что эта война отличалась от других войн своей тяжестью и продолжительностью. Беспредельная протяжённость территории, незнакомые природные условия, суровая зима, неисчерпаемая боеспособность противника, возрастающая враждебность гражданского населения – всё это усиливало чувство обречённости, брошенности на произвол судьбы. Некоторые немецкие солдаты в письмах давали объективную оценку событиям. Характерно в этом отношении письмо обер-ефрейтора Бруно Калиго от 31 декабря 1942 г.: «Дорогие родители! Сейчас канун Нового года, я думаю о доме, и у меня разрывается сердце. Так здесь всё плохо и безнадежно. Уже четыре дня я не ел хлеба и жив только половником обеденного супа. Утром и вечером глоток кофе и каждые 2 дня по 100 грамм тушёнки или полбанки сардин или немного сырной пасты из тюбика – голод, голод, голод, к тому же вши и грязь. Днём и ночью нас бомбят советские лётчики, артиллерийский огонь почти не прекращается. Если в ближайшее время не свершится чудо, я здесь погибну <...> При этом мне всё представляется бессмысленным и нелепым – когда и как наступит облегчение? Будет ли это смерть от бомбы или гранаты? От простуды или от мучительной болезни? Эти вопросы неотрывно занимают нас. К этому надо добавить постоянную тоску по дому, а тоска по родине стала болезнью <...> Я разучился смеяться. Остался только комок дрожащих нервов. Сердце и мозг болезненно воспалены, и дрожь, как при высокой температуре. Если из-за этого письма я предстану перед военным судом и буду расстрелян, это будет избавлением от страданий. У меня больше нет надежды. Я прошу вас не плакать, если вы получите известие, что меня уже нет...»<sup>45</sup>.

О событиях Сталинградской битвы высказывались не только солдаты, но и 22 немецких генерала, сдавшихся в плен советским войскам. Фельдмаршал Паулюс сказал, что держался до конца, потому что понимал, так же как и Гитлер, что «от исхода битвы за Сталинград зависит судьба похода на Восток и вообще исход всей войны». Генерал-лейтенант Шмидт, начальник штаба 6-й армии, назвал причины поражения вермахта: «Мы <...> недооценили военного потенциала русских. Я подразумеваю под этим, конечно, также моральную и душевную силу

русского народа. Не могу не признать, что стратегическое мастерство, проявленное русским генералитетом в последних операциях, лишает нас бывшего превосходства в качестве командования»<sup>46</sup>.

Известный английский журналист, во время войны находившийся в Советском Союзе, А. Верт писал в своей книге, что одним из ближайших последствий окружения немецких войск под Сталинградом в ноябре явилась острая нехватка зимнего обмундирования у этих войск. В ноябре 76 вагонов с зимним обмундированием застряло на станции Ясиноватая, 17 – в Харькове, 41 – в Киеве, 19 – во Львове. Немецкое Верховное командование, не желая, чтобы у солдат в Сталинграде зародилась мысль, что они могут не выиграть сражение до наступления зимы, не спешило посылать им зимнюю одежду. Холод плюс очень скудные продовольственные пайки – под конец они были сведены к 60 г хлеба в день и крошечному кусочку конины (генералы получали теоретически 150 г хлеба) – привели к резкому росту смертности у немцев, особенно в январе. Во второй половине декабря было очень холодно (20–25° ниже нуля); в первой половине января погода стала гораздо мягче (в среднем – 5–10°), однако потом стало опять очень холодно, до -40<sup>o47</sup>.

По мнению О. Бартова, после неудачи блицкрига в период между 1941 и 1942 гг. немецкая армия подверглась радикальной *демодернизации*. Эта демодернизация привела к тому, что нацисты смогли на первый план выдвинуть извращённое понятие о дисциплине, они также поощряли моральное одичание солдат, подвергавшихся тяжелейшим испытаниям. Командование вермахта способствовало этому процессу, отдавая приказы о жестоком обращении с гражданами СССР<sup>48</sup>.

У немецких солдат после Сталинграда снизилось доверие к военному руководству: анализ Сталинградских писем, проведённый Министерством пропаганды, показал, что лишь 2,1 % авторов позитивно высказывались по отношению к военному руководству, 4,4 % высказывались неопределённо, 57,1 % высказывались отрицательно<sup>49</sup>.

Неудивительно, что обратной стороной растущего отчаяния и паники стало всё большее падение воинской дисциплины, что особенно проявилось в январе 1943 г. Солдаты уже не желали «умирать по приказу», участились случаи полной анархии в войсках. «Стало

обычным, – вспоминал Адам, – что солдаты без разрешения покидали свои позиции. Нам доносили об отказах повиноваться»<sup>50</sup>. Об этом же писал офицер Х. Цанк: «В эти дни мы старались удерживать собственных солдат от паники. Вера в ещё возможное деблокирование извне и даже в собственное освобождение из кольца была полностью утеряна. Речь могла идти только о том, чтобы “продаться как можно дороже”, соблюсти интересы солдат и оттянуть гибель армии, как только можно»<sup>51</sup>.

После Сталинградского сражения Гитлер пересмотрел своё отношение к Красной Армии, что выразилось в речи перед гаулейтерами 6 мая 1943 г.: «Советские солдаты <...> ведут войну с такой энергией и таким высоким боевым духом, которые сравнимы только с боевой моралью войск СС»<sup>52</sup>.

Настроения армии начали постепенно распространяться и на гражданское население Германии, которое всё более стало сомневаться в режиме. Ветеран вермахта Ги Сайер писал: «Если завтра мы проиграем, то на милосердие рассчитывать не приходится. Нас будут обвинять в том, что мы убийцы <...> Потомки будут думать, что мы болваны и пожертвовали жизнью ради глупейшей цели. У нас нет больше выбора. На нас всегда будут взирать с презрением»<sup>53</sup>.

Победа под Сталинградом имела грандиозные *последствия для Красной Армии*, советских солдат и офицеров, для всей страны. Во-первых, в ходе Сталинградской битвы идеи чести, свободы, патриотизма, любви к Родине слились в единое целое с противоречивым русским национальным характером, коллективистской коммунистической идеологией и стали *новым*, реальным мировоззрением десятков и сотен тысяч защитников Сталинграда, всей России. Этому мировоззрению трудно дать название; скорее всего, в ходе этой исполинской битвы и сформировался «советский человек», пробудился его непобедимый дух. Во-вторых, победа в битве на Волге преобразила солдат и офицеров Красной Армии. После Сталинграда всё реже встречались «случаи измены Родине, проявления трусости и паникерства»<sup>54</sup>, а также «массового перехода личного состава на сторону противника», что имело место в начале войны<sup>55</sup>. Разгильдяйство, беспечность и недисциплинированность, на которые обращают внимание не только зарубежные историки<sup>56</sup>, но и отечественные архивные

документы<sup>57</sup>, конечно, ещё иногда проявлялись, но постепенно уступали место спокойствию, организованности, сосредоточенности, уверенности в победе; войска стали обретать героический статус. В-третьих, приходится согласиться с мнением фон Зенгера, что для советского командования в ходе войны было характерным, «что их успешные сражения завершались неоднозначными решениями, которые могли привести к конечному результату, а тем или иным компромиссом <...> Так же получилось и в Сталинграде»<sup>58</sup>. Предпочитая не рисковать, советское командование отказалось от проведения операции «Сатурн» по блокированию в районе Ростова немецкой группы армий «А» в пользу операции «Малый Сатурн» по отражению деблокирующего контрудара немецкой 4-й танковой армии окружённой в Сталинграде 6-й армии<sup>59</sup>. В результате немцам удалось вывести свои 1-ю и 4-ю танковые армии с Кавказа. В-четвёртых, победа под Сталинградом способствовала формированию *духа (психологии) победителей*. На это сразу после битвы обратил внимание корреспондент «Юнайтед Пресс» в Москве Г. Шапиро, который, находясь в Сталинграде, сообщил: «Я увидел как среди офицеров, так и среди солдат [Красной Армии] уверенность, какую никогда не видел <...> раньше. В сражении за Москву не было ничего подобного». Сталинград стал моральной победой. Теперь немцы не казались непобедимыми<sup>60</sup>.

В своем приказе от 23 февраля Сталин дал высокую оценку зимнему наступлению Красной Армии, заявив, что «началось массовое изгнание врага из Советской страны». Но в то же время он предостерег армию и страну против чрезмерного оптимизма, несомненно, предвидя ещё серьёзные трудности: «Враг потерпел поражение, но он ещё не побеждён. Немецко-фашистская армия переживает кризис <...> но это ещё не значит, что она не может оправиться. Борьба <...> ещё не кончена – она только развёртывается и разгорается. Глупо было бы полагать, что немцы покинут без боя хотя бы километр нашей земли»<sup>61</sup>.

Важным последствием победы на Волге явилось создание Сталину репутации военного гения. Об этом ясно было сказано в официальных сообщениях о Сталинградских операциях, и новые выражения, например, ‘сталинская стратегия’, и даже ‘сталинский военный гений’, впервые стали появляться в советской печати в феврале 1943 г.<sup>62</sup>

Подведём итоги. Сталинградская битва вылилась в одно из самых грандиозных сражений Второй мировой войны. Победа позволяла немцам достичь цели Восточного похода – выхода на Волгу; открывала путь к нефтяным районам в Закавказье и Центральной Азии. Советские войска выстояли и победили благодаря своему мужеству и героизму, экстраординарным мерам советской Ставки и возросшему мастерству советского командования. Победа Красной Армии под Сталинградом положила конец гитлеровской битве за нефть, а значит и мегаломании, вселила дух победителей в советские войска и, наоборот, деморализовала немецких военнoслужажих.

### Примечания

<sup>1</sup> См.: Деборин, Г. А. Вторая мировая война. М., 1958; История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 : в 6 т. М., 1960–1964; «Совершенно секретно! Только для командования!» : Стратегия фашистской Германии в войне против СССР : документы и материалы / сост. В. И. Дашичев. М., 1967; Дашичев, В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1, 2. М., 1972; История Второй мировой войны 1939–1945 : в 12 т. М., 1976–1982; Проэктор, Д. М. Фашизм : путь агрессии и гибели. М., 1985.

<sup>2</sup> Леонов, М. Моральный фактор в современных войнах. М., 1946; Скирдо, М. П. Моральный фактор в Великой Отечественной войне. М., 1959; Селезнев, Л. К. К вопросу об оценке политико-морального состояния германского вермахта в 1941–1945 гг. // Германское рабочее и демократическое движение в новейшее время. Вып. 7. Волгоград, 1976.

<sup>3</sup> Сенявская, Е. С. : 1) 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; 2) Человек на войне. Историко-психологические очерки, М., 1997; 3) Психология войны в XX веке : исторический опыт России. М., 1999.

<sup>4</sup> Якушевский, А. С. Реакция германской общественности на битву за Москву (по материалам секретных донесений гитлеровских спецслужб). 50-летие победы в битве под Москвой. М., 1993; Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. М., 2005.

<sup>5</sup> Мягков, М. Ю. Вермахт у ворот Москвы. 1941–1942 гг. М., 1999.

<sup>6</sup> Пленков, О. Ю. : 1) Третий рейх. Война : до критической черты. Т. 1. СПб., 2005; 2)

Третий рейх. Война : кризис и крах. Т. 2. СПб., 2005.

<sup>7</sup> Борозняк, А. И. Катастрофа вермахта под Сталинградом. Письма немецких солдат из Сталинградского окружения // Проблемы Второй мировой войны. Волгоград, 2000; Василенко, И. В. Сталинградская битва как трансординарное существование личности. 60 лет Сталинградской битвы в Великой Отечественной войне. М., 2003; Кожин, С. В. Изучение противника органами спецпропаганды Красной Армии в период Великой Отечественной войны // Воен.-ист. арх. 2002. № 2; Карнаевич, В. Г. Война с Россией глазами германского солдата. Из архива управления ФСБ по Курской области // Воен.-ист. журн. 2004. № 5.

<sup>8</sup> Цит. по: Айрапетов, А. Г. Вермахт в войне против СССР (историко-психологический аспект) / А. Г. Айрапетов, С. Н. Молотков // Новая и новейшая история. 2010. № 4. С. 32–46.

<sup>9</sup> Цит. по: Кольга, Г. И. Военная повседневность вермахта и влияние бытовых условий на сознание немецких солдат и офицеров на Восточном фронте (1941–1945) // Вестн. развития науки и образования. М. : Наука, 2010. № 2. С. 66–72.

<sup>10</sup> Der Krieg des kleinen Mannes. Eine Militärgeschichte von unten. München, 1992.

<sup>11</sup> Beyer, W. R. Stalingrad. Unten, wo das Leben konkret war. Frankfurt a. M., 1987; Stalingrad. Mythos, Wirklichkeit einer Schlacht. Frankfurt a. M., 1992.

<sup>12</sup> Stalingrad : Ereignis, Wirkung, Symbol. München ; Zürich, 1992.

<sup>13</sup> Kunz, A. Wehrmacht und Niederlage : die bewaffnete Macht in der Endphase der nationalsozialistischen Herrschaft 1944 bis 1945. München, 2005.

<sup>14</sup> Heer, H. Tote Zonen. Die deutsche Wehrmacht an der Ostfront. Hamburg, 1999.

<sup>15</sup> Кноп, Г. История вермахта. Итоги. СПб., 2009. С. 134–136.

<sup>16</sup> Bartov, O. Hitler's Army. Soldiers, Nazis and War in the Third Reich. N. Y., 1991.

<sup>17</sup> Харт, С. Рядовые вермахта и СС. Немецкий солдат Второй мировой войны / С. Харт, Р. Харт, М. Хьюз. М., 2006; Селигман, М. В тени свастики : жизнь в Германии при нацистах, 1933–1945 / М. Селигман, Д. Дэвисон, Д. Макдональд. М., 2008; Rass, Ch. «Menschenmaterial». Deutsche Soldaten an der Ostfront. Innenansichten einer Infanteriedivision 1939–1945. München, 2003; Lehmann, A.



- Krieg – Urlaub – Gastarbeiter. Zur Erfahrung “des Ausländers” in der Lebensgeschichte von Hamburger Arbeitern // Archiv für Sozialgeschichte. Bd. XXIV. 1984; Latzel, K. Deutsche Soldaten – nationalsozialistischer Krieg? Kriegserlebnis – Kriegserführung 1939–1945. München, 1998.
- <sup>18</sup> РГВА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 26. Л. 9–13.
- <sup>19</sup> См. подробно: Война Германии против Советского Союза. Документальная экспозиция / под ред. Р. Рюрупа. Берлин, 1992. С. 80–107.
- <sup>20</sup> Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2009. С. 48.
- <sup>21</sup> ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 15. Л. 268–278.
- <sup>22</sup> КТВ ОКВ. Bd. 2. S. 1285; Гальдер, Ф. Военный дневник. 1941–1942. С. 833–835.
- <sup>23</sup> Крас. Звезда. 1942. 13 авг.
- <sup>24</sup> Война 1941–1945. Факты и документы / под ред. О. А. Ржешевского. М., 2004. С. 375–381.
- <sup>25</sup> Верт, А. Россия в войне 1941–1945. С. 251.
- <sup>26</sup> Карель, П. Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на Восток. 1941–1943. М., 2005. С. 519.
- <sup>27</sup> ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 443. Л. 11.
- <sup>28</sup> Робертс, Д. Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила мир. М., 2003. С. 85.
- <sup>29</sup> Война 1941–1945. Факты и документы. С. 375–381.
- <sup>30</sup> Болдуин, Х. Сражения выигранные и проигранные. М., 2002. С. 205–211, 229; Фуллер, Дж. Вторая мировая война. Смоленск, 2004. С. 317.
- <sup>31</sup> Цит. по: Шрётер, Х. Сталинград. Великая битва глазами военного корреспондента. М., 2007. С. 291.
- <sup>32</sup> Робертс, Д. Победа под Сталинградом... С. 88.
- <sup>33</sup> Василевский, А. М. Дело всей жизни. М., 2002. С. 19.
- <sup>34</sup> Война 1941–1945. Факты и документы. С. 96–97.
- <sup>35</sup> Айрапетов, А. Г. Вермахт в войне против СССР. С. 42.
- <sup>36</sup> Адам, В. Трудное решение. Мемуары полковника 6-й немецкой армии. М., 1967. С. 124.
- <sup>37</sup> Вельц, Г. Солдаты, которых предали. Записки бывшего офицера вермахта. Смоленск, 1999. С. 128.
- <sup>38</sup> Зенгер, Ф. Ни страха, ни надежды // Цизер, Б. Дорога на Сталинград. Воспоминания немецкого пехотинца. 1941–1943. М., 2007. С. 202, 207.
- <sup>39</sup> Saier, G. The Forgotten Soldier. L., 1997. P. 382.
- <sup>40</sup> Бивор, Э. Сталинград. М., 2004. С. 370.
- <sup>41</sup> Бивор, Э. Падение Берлина. 1945. М., 2005. С. 3.
- <sup>42</sup> Bartov, O. The Eastern Front. 1941–1945. German Troops and the Barbarization of Warfare, 2001, passim.
- <sup>43</sup> Подсчитано по: Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах : стат. исслед. М., 1993. С. 179–182; Русский архив : (Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны) : документы и материалы. 1942 год. Т. 23 (12–2). М., 1999. С. 11, 14.
- <sup>44</sup> Робертс, Д. Победа под Сталинградом... С. 106.
- <sup>45</sup> Труды Волгоградского центра германских исторических исследований. Вып. 2. Сталинград : чему русские и немцы научились за 60 лет : материалы Междунар. науч. конф. (г. Волгоград, 3–5 апр. 2003 г.). Волгоград, 2003. С. 98–102.
- <sup>46</sup> Сталинградская битва. Хроника, факты, люди : в 2 кн. М., 2002. Кн. 2. С. 540.
- <sup>47</sup> Верт, А. Россия в войне 1941–1945. С. 344.
- <sup>48</sup> См.: Bartov, O. Hitler's Army. Soldiers, Nazis and War in the Third Reich. N. Y., 1991.
- <sup>49</sup> Letzte Briefe aus Stalingrad. Gütersloh. S.a. S. 8, 16.
- <sup>50</sup> Адам, В. Трудное решение... С. 195.
- <sup>51</sup> Zank, H. Stalingrad. Kessel und Gefangenschaft. Berlin ; Bonn, 1993. S. 62.
- <sup>52</sup> Irving, D. Führer und Reichskanzler Adolf Hitler 1933–1945. München, 1989. S. 562.
- <sup>53</sup> Сайер, Ги. Последний солдат Третьего рейха. М., 2004. С. 255.
- <sup>54</sup> ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 100. Л. 218–219, 255.
- <sup>55</sup> Там же. Д. 115. Л. 4.
- <sup>56</sup> Бивор, Э. Падение Берлина. С. 22–23.
- <sup>57</sup> ЦАМО РФ. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 9. Л. 158, 590; Ф. 47. Оп. 1029. Д. 83. Л. 39–42, 53–55; Ф. 208. Оп. 2563. Д. 48. Л. 39–42.
- <sup>58</sup> Зенгер, Ф. Ни страха, ни надежды. С. 206.
- <sup>59</sup> Василевский, А. М. Дело всей жизни. С. 245–246.
- <sup>60</sup> Болдуин, Х. Сражения выигранные и проигранные. С. 205–211, 532.
- <sup>61</sup> Верт, А. Россия в войне 1941–1945. С. 399.
- <sup>62</sup> Там же. С. 369–372.